

— Викуль, да у тебя их двое, — растерянно сообщает Агата Сергеевна, знакомый гинеколог. Только ей я смогла доверить свой секрет — как оказалось, двойной.

— Это шутка? — Я оборачиваюсь, облокотившись о спинку стула, и провожаю врача долгим взглядом от двери до ее рабочего места. Терпеливо жду, пока она сядет за стол и разложит бумаги.

— Нет, и мне совсем не до смеха. У тебя двойня. — Она протягивает мне результаты анализов с завышенным ХГЧ и заключение УЗИ. — Значит, двойная нагрузка на твой организм, а особенно на сердце, с которым у тебя и так проблемы...

— Я в порядке, — перебиваю ее, нервно теребя пальцами карту. — Меня обследовали вдоль и поперек. Серьезных противопоказаний для вынашивания ребенка не выявили.

— Одного, но не двух. Многоплодная беременность сама по себе считается осложнением, — серьезно и настороженно объясняет мне очевидное Агата Сергеевна, но я и так понимаю, что она права. Однако решение свое не изменю. — Что же у вас, Богдановых, все так сложно, — сокрушается она, окинув меня сочувственным взглядом.

— Врачебные дети, — неловко пожимаю я плечами. — Известный фактор. Болезни, реакция на лекарства, инфекции — все не как у обычных людей.

— Да, все так. — Она устало потирает переносицу. — Посмотрим, что скажет кардиолог. Тебе нужно встать к нему на учет сегодня же. На протяжении всей беременности он должен вести тебя и наблюдать за состоянием здоровья. Если вдруг что-то пойдет не так...

— Конечно, я все понимаю, — поднимаю руки в знак капитуляции. — Я согласна. Это в наших интересах. — Аккуратно укладываю ладонь на живот, не до конца осознавая, что я больше не одна. Две маленькие жизни зависят от меня, и я сделаю все, чтобы сохранить их. В конце концов, спасти детей — мое призвание. Работая педиатром, я постоянно помогаю чужим, а теперь... буду своим.

Легко улыбаюсь, на миг отпустив все переживания, и мечтательно вожу кончиками пальцев вокруг пупка, пока Агата набирает номер кардиолога. В полной тишине слышу щелчок соединения и строгий мужской голос, приглушенный телефоном.

Сердце совершает кульбит в груди, волнительные воспоминания лезут в голову, а интуиция трубит в горн. Нет, это не может быть он...

— Гордей Витальевич, свободны? Можете зайти ко мне? — чеканит гинеколог в трубку, а потом обращается ко мне: — Тебе повезло, Вика, в нашей клинике по средам и субботам Одинцов принимает. Сегодня он как раз на месте.

Фамилия раздаётся как удар гонга. Хочется заткнуть уши руками, закричать что есть мочи. Вместо этого впадаю в ступор. Внутри — катастрофа вселенского масштаба, сна-

ружи — хрупкая броня, которую я латаю по кусочкам, не позволяя эмоциям пробраться сквозь брешь.

— Нет, я... — Шумно сглатываю внезапно образовавшийся в горле ком. — Можно мне другого врача?

— Глупости. Ты чего? — отмахивается Агата. — Он лучший в своем деле. Знаешь, каких усилий мне стоило уговорить его хотя бы на несколько дежурств! После смерти жены Одинцов вообще отошел от дел и сосредоточился на новорожденной дочери. Мы уже думали, что такой ценный кадр потерян для медицинской сферы. Но нет, он вернулся.

— Знаю, — шепчу, потупив взгляд.

— Вы знакомы? Ах да, логично, вы же оба медики. Наверное, пересекались... Что не поделили?

Упрямо молчу, закусив губу изнутри. Не признаюсь же я, что мы с Гордеем не поделили... наших будущих детей. Он пока не знает о моей беременности, ведь не планировал вновь становиться отцом. Это случайность, которой рада только я. Одинцов предан памяти своей жены и никак не может ее отпустить. У него есть маленькая дочка от нее, а у меня теперь... две частички его каменного сердца.

За спиной слышится скрип открывающейся двери. По кабинету разносятся тяжелые, уверенные шаги. Останавливаются позади меня, и я оглядываюсь, схлестнувшись взглядом с Гордеем.

Он удивленно смотрит на меня сверху вниз, прищурив платиновые глаза. Выглаженный белоснежный халат растегнут, показывая безупречную черную рубашку.

Красивый, как демон, и холодный, как айсберг. Идеальный мужчина, который никогда не был по-настоящему моим.

— Здравствуй, Виктория, — вежливо обращается он ко мне. Улыбается скупο и мягко, как в те дни, когда я посещала его дочку в качестве участкового педиатра. Проводит невидимую черту между нами.

— Добрый день, Гордей Витальевич, — поддерживаю деловой тон.

— Возьмете пациентку на консультацию? — вклинивается Агата, о существовании которой я в панике забыла. Все вокруг перестало существовать, кроме нас двоих.

— Да, разумеется, — напряженно произносит он, пристально глядя на меня. — Что случилось?

— Беременность! — выпаливаю на одном дыхании.

Гордей преображается как по щелчку пальцев. Мрачнеет, ожесточается. Хмурит брови, сжимает губы, играет желваками. В его глазах мелькает тень страха и сменяется тихой яростью.

Вот и призналась... Не совсем так, как планировала, но судьба сама расставила силки, и мы теперь с Одинцовым в ловушке.

— Я вас оставляю, — Спohватившись, Агата направляется к выходу. — Мне надо своих ЭКО-шек после подсадки проведать. Можете пообщаться в кабинете.

Дверь хлопает, а Гордей, не обронив ни слова, занимает кресло врача. Подхватывает мои документы, внимательно изучает их, вчитывается, добирается до УЗИ и... становится темнее грозовой тучи. В полной тишине слышится лишь наше тяжелое дыхание, как шум ветра в пасмурную погоду.

— Двойня? Плохо... — бездушно выдает он, будто речь о какой-то опухоли, которую надо срочно удалить. — Вика, от меня? — кратко спрашивает с хрипотцой, ни на секунду не отрываясь от моей истории болезни.

★ Ненужная мама ★

— Гордей Витальевич, разве это важно? — Я стараюсь говорить непринужденно, будто меня совсем не задевает его вопрос. — Вы здесь как специалист, а я в роли вашей пациентки. Мы поменялись местами, и теперь мне нужна ваша помощь. Что скажете, доктор, какие будут рекомендации?

— В нашей ситуации только одна... — Он поднимает на меня стальной взгляд, чтобы добить жестким приговором: — Аборт...

Глава 1

Четыре месяца назад...

Виктория

— **М**амочка, вы на часы смотрели? Кто вас в такое время примет? Рабочий день закончился, все врачи разошлись, — доносится недовольное ворчание коллеги-педиатра за дверью. — Ждите дежурного. А если не срочно, лучше идите домой.

— Срочно, — умоляюще звучит в ответ. — Температура высокая, насморк.

— Тем более к дежурному. Вообще-то сегодня день здорового ребенка, — укоризненно напоминает доктор. — Хотите других заразить?

— Так ведь сейчас нет никого, вы же сами сказали. — Голос матери становится громче и настойчивее. — Пожалуйста, посмотрите дочку.

Словно в подтверждение, раздается жалобный детский крик, заставляя сердце в груди встрепенуться. Не могу оставаться равнодушной. Я устроилась в поликлинику сразу же после мединститута и не успела привыкнуть к мучениям малышей. Душа рвется на части каждый раз, когда я вижу слезы на невинных личиках. Маленькие ангелы не должны

страдать, именно поэтому я выбрала педиатрию. Чтобы помогать им.

Отец твердит, что я должна научиться абстрагироваться и воспринимать пациента с точки зрения врача, а не слабой женщины. В противном случае мне лучше «биологию в медучилище преподавать», как он обмолвился однажды. Понимаю, что папа прав и дает советы с высоты своего многолетнего опыта в медицине, но... пока еще женское начало во мне сильнее. Надеюсь, со временем огрубею, как вся моя семья. В любом случае практику не брошу. Я чувствую, что это мое призвание.

Накидываю медицинский халат, который успела снять, и на ходу застегиваю пуговицы.

— Я приму, Маш, — выглядываю в коридор.

С доброй улыбкой приглашаю мамочку войти в кабинет. Краем глаза наблюдаю, как трепетно и бережно она несет на руках семимесячную малышку. Прижимает к себе и целует, несмотря на то что та вопит ей на ухо. Материнская любовь — это особое чувство, выше всех остальных.

Собираюсь закрыть дверь, но моя коллега протискивается следом. Садится на стул в углу, роется в сумке, поглядывая на меня. Следит и контролирует? Возможно... Я еще не влилась в коллектив и порой ощущаю себя здесь белой вороной.

— Расскажите, что беспокоит? — ласково уточняю у нервной, расстроенной мамы.

Пока она дрожащим голосом перечисляет симптомы, я осматриваю ребенка. Малышка отвечает мне тем же — внимательно изучает меня, округлив глазки, затихает, забывая плакать, а под конец пытается выхватить у меня

стетоскоп. Хихикает, когда я прикладываю металлическую головку стетоскопа к ее груди, зажимается от щекотки.

— Не волнуйтесь, ничего страшного, — резюмирую, отстранившись от крохи. — Это не вирус. У вас первый зубик прорезается, десна припухшая. Такая реакция вполне возможна. Следите за температурой, но не спешите сбивать. Субфебрильная считается нормальной. На случай, если поднимется выше тридцати восьми градусов, я выпишу вам жаропонижающее. Также объясню, как облегчить состояние дочки. Завтра с утра на всякий случай обратитесь к стоматологу — я проведу.

— Спасибо огромное, успокоили! Хорошо, что остались настоящие врачи! — вздыхает девушка, настороженно покосившись на мою коллегу, которая даже внимания на них с ребенком не обращает — листает ленту новостей в телефоне, ждет, когда я освобожусь.

— Это моя работа, — мягко отвечаю и прощаюсь с пациентами.

Казалось бы, я почти ничего не сделала и совсем не устала, зато мама довольна, а ребенок притих. И вот уже мое настроение улучшается. Я испытываю необъяснимую эйфорию. Окрыленная, лечу к шкафу, чтобы переодеться.

— Очередная тревожная мамка, — фыркает Мария за спиной.

— Она же молодая совсем, и ребенок первый. Разумеется, переживает и перестраховывается, — невозмутимо пожимаю плечами, снимая с вешалки плащ. — Лучше так, чем если бы она ставила диагнозы дочке по интернету и занималась бы самолечением.

— Надо было отправить к дежурному. Тебе никто сверхурочные не заплатит, — занудно бурчит коллега, поднимаясь с места и разминая спину. — Ты и так почти на час задержалась сегодня, — она кивает на настенные часы. — Бесплатно.

— Деньги не главное, — выдыхаю я, не оборачиваясь.

— Ну, в твоём случае — да, — тянет многозначительно Мария, и я хмурюсь, захлопнув дверцу шкафа. — С твоими родителями вообще не здесь работать надо. Лучше бы отец тебя под свое крыло взял, чем отправил в нашу захудалую детскую поликлинику. Вообще не понимаю, как ты здесь оказалась, Богданова.

На собственную фамилию реагирую, как бык на красную тряпку.

Дочь известной династии врачей, я всегда в центре внимания. Мне завидуют, передо мной лебезят, меня... не воспринимают всерьёз. Последнее злит больше всего. Я словно придаток своей семьи, аппендикс, который можно удалить без особого вреда для организма.

— Может, мне и на работу с папой за руку ходить? — резко выпаливаю я, вспыхнув и развернувшись к болтливой сотруднице. — А детей он сам вместо меня лечить будет?

— Тише, не кипятись. — Она примирительно выставляет ладони перед собой. — Я не хотела тебя обидеть. Поехали домой, а? Подбросишь меня? Ты же за рулем, а я тут недалеко живу, тебе по пути. Конец лета выдался дождливым, опять ливень начался. Нет, я, конечно, могу пойти на остановку. — Она переминается с ноги на ногу. Осознаю, что она все это время сидела со мной не для того, чтобы помочь, а просто хотела сэкономить на такси. Да и бог с ней — мне не жалко.

— Я тебя подвезу, а сама — на свой участок. У меня сегодня еще вызов. — Я подхватываю медицинский саквояж, перебираю содержимое, проверяю, все ли взяла. Немного нервничаю.

— Что-то серьезное?

— Не думаю. Судя по описанию — колики.

— Еще одна тревожная мамка, — устало цокает педиатр, будто это ее вызвали, а не меня. — Тебе сегодня на них везет.

— Хм, нет. Звонил мужчина, вежливый и приятный по голосу, — говорю без задней мысли и ловлю на себе препарирующий взгляд, от которого становится не по себе. — Что-то не так?

— Отцы еще хуже, — поучительно поднимает указательный палец Мария. — Становятся вообще одержимыми, когда дело кровиночки касается, так что ты там с ним помягче. Как психиатр с сумасшедшим.

— Скажешь еще, — смеюсь, выпуская ее из кабинета и закрывая дверь на ключ.

Сделав небольшой крюк на машине, чтобы доставить коллегу по адресу, я отправляюсь на вызов. На территорию элитного жилищного комплекса меня впускают без проблем, стоит лишь назвать охране свою специальность и цель визита. Оказывается, педиатра очень ждут и велели не задерживать.

Затаив дыхание, захожу в нужный подъезд и поднимаюсь по ступенькам, крепко сжимая кожаную ручку саквояжа. Угрожающие слова Марии больше не кажутся мне смешными. Особенно когда слуха касается тонкий детский писк, а следом грубый мужской баритон: